

в русской литературе реалистически изобразил поведение ребенка, впервые взятого на взрослую охоту. Мотив охоты станет распространенным в русской художественной литературе XIX – начала XX в. в качестве своеобразной инициации подростка или юноши во взрослую жизнь. В традициях мемуарной «правды голого факта» создается реалистический образ дядьки Артамона, пристрастие которого к бутылке не один раз ставит мальчика не просто в затруднительное, но и опасное положение, как в случае встречи со стаей волков на пустынной зимней дороге.

Изменение аксиологических ориентиров изображения детского возраста в мемуарной литературе XVIII в. в сторону «естественности» не привело к отказу от просветительского дискурса как такового, включая библиофилический культурный миф. Тот же А. Т. Болотов, смело разрушая миф о романе-развратителе, демонстрирует то естественное «книжное» воспитание на лоне природы, которое в своей аксиологической составляющей станет одним из наиболее ярких символов просветительского дискурса педагогических стратегий второй половины XVIII – начала XIX в.

Литература

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.

Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 81–105.

Шаховской Я. П. Записки. СПб., 1872.

Снигирева Т. А., Подчинов А. В.
Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ «ЖЗЛ»: ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Издательская серия «Жизнь замечательных людей» является одной из самых долговременных (более ста лет), устойчивых, популяр-

лярных и, как сейчас принято говорить, успешных. Содержательный и визуальный бренд «ЖЗЛ» обеспечен традицией и такими разными целеполаганиями читательского спроса, как интерес к судьбе выдающихся личностей, в том числе к подробностям их приватной жизни, и – одновременно – необходимостью постоянно обновляющегося знания отечественной и мировой истории культуры и ее ключевых фигур. В такой логоцентричной стране, каковой была Россия, по крайней мере, в течение двух веков, издательский проект, посвященный героям истории, культуры и литературы, вызывал стабильный интерес не только со стороны читателей, но и со стороны государства. Сверхличностный, надреальный, по сути, мифотворческий смысл и специфика национально-культурного проектирования отечественной истории и ее героев в рамках биографической серии реализуют себя на трех уровнях, имеют три исходных позиции. 1. Автомиф, свойственный / несвойственный герою жизнеописания, поддерживаемый, как правило, его современниками, который «считывается» как с творчества писателя, так и с разнообразного типа затекста: от записных книжек автора до мемуаров о нем. 2. Авторское мифотворчество, присущее, в той или иной степени, любого характера исследованию биографии «замечательного человека», мифотворчество, инициированное всегда существующей субъективностью позиции автора-биографа, которая, в свою очередь, зависит и от личностной концепции, и от запроса / диктата времени, в рамках которого рождается очередная версия «жизни и деяний» героя. 3. Издательская и / или государственная стратегия, вызываемая постоянной в нашей стране необходимостью «смены оптик», переписывания истории и, как следствие, истории людей, связанных со значимыми ее страницами.

В истории «ЖЗЛ» отчетливо выделяется три периода, которые, по принципу знакового для проекта издательскому имени, могут быть названы «павленковским» (1890–1900-е), «горьковским» (1930–1980-е) и «молодгвардейским» (1990–2000-е). В каждом периоде система аксиологических принципов и, как следствие, специфика моделирования национально-культурного статуса имеет свою специфику, в конечном счете выявляя характерологические черты взаимосвязи или столкновений стратегий и тактик государственного и творческого (издательского, научного, художественного) видения националь-

ной истории общества, культуры, литературы. Очевидное изменение ценностной ориентации в выявленных трех периодах существования «ЖЗЛ» обозначает себя в современном формате серии следующим образом: право как на демифологизацию, так и на создание новой версии творчества и судьбы художника становится прерогативой не издателя («павленковский» период), не государства («горьковский»), но полностью сосредоточено в сфере субъективной научной и/или художественной концепции автора-биографа.

Трунова О. В., Трунова Н. В.
Москва, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОЕКЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО МИРООСМЫСЛЕНИЯ

*В абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое
высказывание, невозможно само сознание.*

М. М. Бахтин

Освоение мира как функция интенциональности человеческой природы предполагает его познание, отражение и преобразование. Медиатором этих действий в разных целях и в разной степени служат эмпирический опыт, наука и искусство, посредством которых создаются соответствующие модели мира, или его картины. Все они настолько многогранны, насколько многогранен мир и насколько многогранны отношения человека с миром.

Любое художественное произведение не только и не просто передает мировосприятие его автора, но вписывается в общую картину миропредставления той или иной эпохи развития общества, являя собой, с одной стороны, художественное воплощение ее особенностей, с другой, – ее освоение с помощью художественных средств.

Начальное представление о мире дается в ощущениях существующего (факта). Естественнаучная картина мира основывается на рациональном осмыслении факта, и научная концепция формируется в рамках эпистемологии от гипотезы к теории (полагать / знать). В художественном моделировании исходным является оценочное отношение к факту, поэтому наибольшую значимость приобретает аксиоло-